

ЖАЛОБЫ И РАДОСТИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Марку Захарову нравятся бестактные вопросы и просвещенная монархия

Григорий Заславский

Рефлексия

ПОСЛЕДНИЙ спектакль Ленкома «Королевские игры» вызвал много разных критических замечаний, но одно мне показалось занятным: будто бы вы в этом спектакле сменили политическое направление, будто бы здесь-то очевидно всего стал ваш переход из демократического стана в лагерь сторонников сильной, почти тиранической власти.

— Присутствие на сцене августейшей особы или даже нескольких королей вовсе не свидетельствует о монархических склонностях режиссера. Я по-прежнему остаюсь убежденным демократом, уважающим относиться к просвещенной конституционной монархии.

— Вы действительно считаете, что в «Королевских играх» начали делать что-то новое в своем театре?

— Я к этому стремлюсь. Не всегда получается, но всегда пытаюсь уйти от стереотипов, не создавать матрицу того, что было уже однажды удачно сделано. Думаю, в «Королевских играх» было найдено что-то такое, чего не было в предыдущих спектаклях — «Чайке» или «Фигаро». В музыкальном жанре есть свое очарование, которое иногда может принести радость. Громкость тоже может идти на пользу, разумеется, не всегда.

— Вам сегодня сложнее работать с актерами старшего поколения, кинозвездами вроде Абдулова, Караченцова?

— Да, у них появилось много соблазнов работать вне театра. Я, конечно, всегда радуюсь, когда артисты снимаются в кино, тем более в центральных, запоминающихся ролях. Менее радостно, когда человек работает в концерте, но и тут возникает некоторая гордость, связанная с тем, что артист завоевал определенную популярность, имя его делает сборы. Но иногда бывает такое стечение обстоятельств, когда одну звезду, скажем, приглашают на Каннский фестиваль или в Венецию, другую привлекают на киносъёмки за границей, а у третьей — большое концертное турне. Вот здесь возникают муки и долгий «переговорный процесс», который чаще всего кончается моим поражением, но я всегда делаю вид, что все завершилось в соответствии с моими намерениями. Очень редко иду на обострение отношений, и только в том случае, когда уверен в победе.

— Марк Анатольевич, не кажется ли вам, что вы сами вывели себя на такие отношения с этими звездами? Ведь у вас театр уже долгие годы существует как коммерческий. И поэтому, если актер приходит столько-то, а здесь я получаю меньше, — его работа на стороне выглядит естественно, что ли. Нет ли у вас сожалений, что вы построили отношения на коммерческой основе?

— Я сейчас вам пожаловался, но это ведь не трагедия и даже не драма. Это естественные сложности. В каждом серьезном учреждении, творческом или коммерческом, всегда сложная технология. Но радости больше. Радости от того, что мы имеем возможность платить актерам зарплату каждый месяц и точно в срок. Имеем возможность делать достаточно серьезные выплаты к основной зарплате — за выслугу лет, за художественные достижения, за интенсивность работы, за ее качество, за владение музыкальными инструментами или участие в пластических сценах, которые требуют дополнительной репетиционной работы. И еще радостно, что московский Ленком избежал нынешних театральных бед, раздоров и расколов, которые обрушились на наших коллег в других театрах. Мы этим гордимся и радуемся. Наша внутренняя атмосфера, наша театральная этика, которую мы очень бережем и охраняем, пока не претерпела трагических изменений.

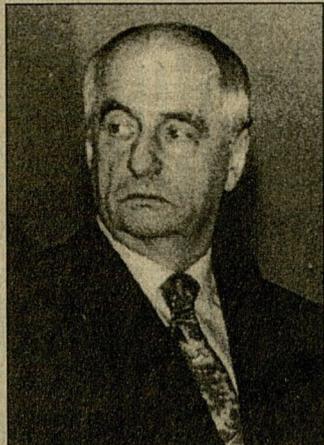
— У вас довольно много молодых актеров, которые известны по киноролям, — Сергей Чонишвили, Андрей Соколов. И они жалуются, что вы их не занимаете. Они говорят, что не получают ролей в Ленкоме и довольно много играют на стороне.

— Могу вам снова пожаловаться. Труппа медленно, но увеличивается. Мы живем еще по Кодексу законов о труде, принятому в 30-е годы, когда человек не должен уходить на пенсию, если ему не хочется. И если он не совершает серьезных административных проступков, каждый раз приходит трезвым на работу, то в принципе может работать по жизненному. На контракте в театре единственный человек — это я. У меня контракт с московским правительством.

— Годичный или трехгодичный?

— Годичный, но пока каждый год продлевается. Сделать такое количество спектаклей, чтобы занять всех, экономически и организационно невозможно.

Марк Захаров (р.1933) — режиссер, художественный руководитель театра Ленком. Прежде чем стать режиссером, работал актером Пермского драмтеатра, Театра имени Гоголя, выходил в масовке на сцене театров имени Ермоловой и имени Маяковского. Автор юмористических рассказов, пьес, публицистических статей. Народный депутат СССР (1989—1991 гг.), народный артист СССР, лауреат Госпремии СССР и РФ. Член Президентского совета, член Комиссии по Госпремиям РФ в области литературы и искусства.

Мы выпускаем, как правило, два спектакля в сезон. Печь спектакли, как блины, и выполнять план по количеству теперь нецелесообразно. Конечно, я очень переживаю, что Андрей Соколов, который работает с большой энергией и наращивает мастерство, мало занят в репертуаре Ленкома. Но вместе с тем я физически не могу всех выпустить на сцену. Поэтому радуюсь, когда наши артисты играют в спектакле другого театра, особенно если так же успешно, как Соколов и Чонишвили. Правда, эти спектакли, как правило, не долго существуют, в отличие от спектаклей Ленкома.

— Но у вас раньше была малая сцена.

— У меня к малой сцене вообще отношение не самое доброе. Нашему театру с малой сценой не повезло. И потом мне кажется, что держать внимание и завоевывать зрительский успех в большом зале и в малом — разные вещи. Спектакль, поставленный в буфете Вахтанговского театра Петром Фоменко, я всячески приветствую, радуюсь этому успеху мастера и прекрасной игре артистов. И все-таки у меня к малой сцене какое-то подозрительное отношение, которое даже подвигло меня на некий приступ желчного юмора: в «Театральной жизни» я рассказал, что сейчас напряженно работаю над спектаклем в лифте.

— Для вас важно, чтобы рядом был какой-нибудь хороший режиссер? Хотя бы просто для подстраховки...

— Режиссер — товар редкий и штучный. Еще Георгий Товстоногов однажды сказал, что два медведя в одной берлоге жить не могут. Я так не думаю, хотя какая-то доля истины в этих словах присутствует. Вообще я стремился и стремлюсь, чтобы в Ленкоме работали другие режиссеры. В свое время я почти уговорил Анатолия Васильевича Эфроса, режиссера, который намного превосходил меня в некоторых аспектах мастерства, чтобы он поставил у нас «Гедду Габлер» Генрика Ибсена. Из Министерства культуры даже пришло сразу два разрешения — на «Гедду» и отдельно на «Габлер». Этот документ хранится в моем архиве. Я вел переговоры с Товстоноговым о постановке спектакля по Шолом-Алейхему в нашем театре. Я серьезно боролся за Анатолия Васильевича после его успеха со спектаклем «Взрослая дочь молодого человека». И он некоторое время у нас репетировал «Виндзорских насмешниц» Шекспира, пока не бросил это занятие по личной инициативе. Нынешним летом по инициативе Александра Абдулова был установлен контакт с Никрошюсом, но, увы, дело сорвалось... Я очень благодарен Глебу Панфилову, который сделал два удачных и интересных спектакля на нашей сцене. Вспоминаю очень любопытный опыт Андрея Тарковского с «Гамлетом». Моя мечта — привлечь к работе кого-нибудь из своих учеников, хотя это очень трудная задача, учитывая настроения артистов. Накопились безрадостные воспоминания о некоторых режиссерских пробах.

— Многие говорят, что ученик Васильева — это почти диагноз. В последнее время по провинции разъезжает много людей, которые называют себя вашими учениками. Скажем, режиссер театра «Ню», где все подряд раздают.

— Да, режиссер Незовибатко у меня учился. Я к нему очень хорошо отношусь, он смелый человек и способный театральный сочинитель. Хорошо, что он трудоустроен, что при деле, хотя само дело меня не особенно радует. А что касается учеников... Можно себя выдавать за ученика Льва Толстого, Каледина или Солженицына — это еще ни о чем не говорит.

— Наверное, приглашать Панфилова, Галина — это довольно безопасно. Они как бы трудоустроены. А вот приглашать именно театрального режиссера на более или менее постоянную работу — все равно что воспитывать себе смену, это даже и страшно. Это к вопросу о том, что рядом нет режиссера.

— Как правило, у сильного, авторитетного режиссера всегда есть свой собственный театр, и его личные планы чаще всего связаны именно с ним. Выбор из состоявшихся, как вы называете, «описных» режиссе-

ров всегда невелик. А что касается режиссера, постоянно работающего рядом, — такой есть: Юрий Махаев. Мой частый сопостановщик и автор многих ленкомовских проектов.

— Я много раз слышал, что Ленком находится в привилегированном отношении — в смысле финансирования, что у вас и у «Современника» сложились такие хорошие отношения с Лужковым, что никаких финансовых проблем у театра нет.

— «Современник» финансируют в основном спонсоры, и этот театр умеет с ними работать. Нам тоже помогают многие меценаты, и прежде всего Виктор Пимчук, его компания «Интерпайп», а также Европейский торговый банк, компания «Русский мир», а с недавнего времени — коммерческо-благотворительная фирма «АСТ» и «Филипп Моррис». Однако вы правы, главное — московское правительство и наш неутомимый мэтр Юрий Лужков. Ленком не занимает какого-то привилегированного положения, но мы очень гордимся, что у нас с мэром особые, доверительные отношения, и он принимает обязательное участие в решении наших проблем, которых немало.

— А бывает, что он спрашивает вашего совета по тому или иному вопросу о финансировании или просто — на какой спектакль пойти?

— Ну в деле финансирования он со мной не советуется, однако сейчас готовит книгу воспоминаний о далеком прошлом и недавних событиях, которую предвительно показывал мне. Я высказал свои суждения и даже в письменном виде. Книга мне очень понравилась, думаю, это очень интересное, отчасти, интимное произведение Юрия Михайловича. И я заранее поздравляю его как автора.

— А как вы думаете, Лужков не слишком ли благобно относится к тому, сколько театров находится сейчас на шее Москвы, на бюджетном финансировании? Сегодня в Москве довольно много театров, чуть ли не двести. А Лужков говорит: «Я не закрою ни один театр». Как вы к этому относитесь?

— Сейчас мы медленно, с трудом, с муками, стенаниями входим в новую систему, где существуют такие категории, как спрос и предложение, успех коммерческий или художественный. Все это новые аспекты нашего бытия, и они трудно усваиваются нашими усталыми мозгами. Я имею в виду свое поколение. Поэтому механизм, так сказать, прекращения жизни того или иного творческого коллектива является во многом неизвестным, загадочным и неразработанным. Как закон о банкротстве предпринятия. В этом смысле я не согласен с Лужковым. Театры закрывать надо, так же, как надо хоронить усопших. И хорошо иметь в городе свободные сценические площадки, которые могут арендовать российские и зарубежные театры, собирающие зрители.

— Вопрос почти бестактный, но меня, честное слово, это интересует: человек, который пережил то, что вы (я имею в виду с сердцем), у него меняется отношение к жизни? Он начинает ко всему относиться спокойнее, более философски?

— У вас все вопросы бестактные, но они мне нравятся. Операция на сердце не проходит бесследно, но постепенно легкомыслие берет верх. Лично у меня. Что касается моих взаимоотношений с людьми, которые оценивают спектакли... Очень давно, когда я еще работал у Плучека в Театре сатиры, он как-то сказал мне, что все люди, которые сейчас (в 1967 году) облаивают мое «Доходное место» и кусают меня, уйдут, а я останусь работать дальше. Потом придут другие, тоже будут кусаться и тоже исчезнут. И он оказался прав. Недавно у меня произошла поразившая меня встреча. Не хочу называть фамилию человека, чтобы не причинить ему нечаянную боль. Он был одним из верховных цензоров Министерства культуры, решал судьбу мою личную и моих спектаклей. И вот он пришел недавно в Ленком. Ощущение я испытал новое. Прежняя неприязнь ушла. Я понял, что мы прожили вместе значительную часть нашей общей жизни на разных ее полюсах. Мы были связаны единым временем. И потом он был далеко не самым рьяным цензором... Эта связь вдруг оказа-

лась важнее наших различий. И еще я понял, как все изменчиво в нашей истории, поэтому если какой-то человек очень энергично начинает нападать на меня и мне видится в этом какая-то предвзятость и несправедливость, я нахожу в себе силы в конце концов спокойно к этому отнестись.

— Скажите, а важны для вас звания, премии? Скажем, «Золотая маска»?

— Не буду скрывать, что грешен. К любым словесным и материальным поощрениям равнодушен. Пушкин давно советовал, как надо относиться к собственному успеху и признанию людей, тебя окружающих. Но у меня, как у Пушкина, не получается. Любая грубая или ругательная рецензия повергает меня в уныние, недостойное серьезного художника. Хотя и ненадолго, но все-таки. Наоборот, когда хвалят или дают премию — даже если из жалости, — воспринимаю это с радостным оживлением.

— Олег Павлович Табаков довольно остроумно, говоря о поколениях в спектакле «Последние», назвал себя и Ольгу Яковлеву в з р о с л ы м и . Прием этот термин. Легко ли работаете в з р о с л ы м в театре — я имею в виду ваше поколение? Легко ли вам в профессии, которая традиционно не знает уходов на пенсию? Нет ли ощущения высканности, хождения по второму и третьему кругу?

— Пенсионные настроения меня пока не охватили; если что и охватывает, то чаще всего азарт. Впрочем, убежден, что любая творческая личность или коллектив не бессмертны и творческая кончина может наступить раньше физической. Как показала история, 60 лет — хороший возраст для артиста, режиссера, президента, философа и весьма огорчительный для спортсмена, рок-музыканта и лирического поэта.

— Скажите, а вам не предлагали участвовать в выборах в том или ином блоке?

— У меня были предложения от нескольких блоков и партий.

— А были неожиданные?

— Они все для меня были одинаково неожиданны. Слава Богу, я имею опыт народного депутатства СССР и первых съездов. Для себя лично я давно и четко понял, пройдя период перестроечной эйфории, что законодательством должен заниматься профессионал и что политика требует людей обязательно психически полноценных и хорошо образованных.

— Поскольку вы человек светский в хорошем смысле слова, то про вас, естественно, ходит много разных слухов, ваше имя склоняют в светских новостях. Недавно одна актриса стала говорить, что ждет от вас ребенка. Что значит для вас семья? Этот вопрос тем более волнует меня и, я думаю, читателей, что в последнее время несколько ваших ровесников-режиссеров завели новые семьи.

— Впервые об истории с «ожиданием ребенка» мне рассказал Андрей Миронов, с которым у меня были очень доверительные отношения. Он, как и многие другие известные актеры, испытал все тяготы разного рода навязчивых идей, которые возникают вокруг ярких театральных имен. Нездоровые люди очень склонны к разного рода письменным посланиям и настойчивым телефонным звонкам. Вообще, по-моему, за последние годы психические отклонения у наших людей резко возросли. Психика россиянина, как и само здоровье, сильно пошатнулась. Что касается семьи, то поскольку я заявил на своем юбилее, что со своей женой прожил неприлично долго, то, в общем, очень дорожу этим человеком, с которым познакомился в далекие 50-е в театральном институте и которая мне родила талантливую дочь Александру. Но я отнюдь не осуждаю тех людей, которые принимают волевые и мужественные решения изменить свою жизнь даже в весьма зрелом возрасте. Здесь человек отвечает только перед собственной совестью и Богом. Вмешиваться в эту сферу не стоит.

— Вы сами вспомнили свою дочь, интересную актрису. Мне кажется, что она одаренная характерная актриса, а вы ее используете и в театре, и в кино на ролях героинь.

— С удовольствием попробую по вашему совету, я согласен с этим, но просто руки не доходили. В кино она интересно работала не у меня, а у других режиссеров. Прежде всего у Сергея Ашкенazi, который снял ее в «Криминальном таланте» и «Заложнице». Именно там она мне окончательно доказала, что умеет сочетать острую комедийную характерность с психологической глубиной.

— С Александрой Захаровой вы чаще говорите об искусстве, сцене, политике или о чем-то другом, к театру отношения не имеете?

— С дочерью за пределами театра о театре говорим очень редко, но об искусстве вообще, об актере, мастерстве и его секретах часто, потому что она умная и политикой не интересуется.